

УДК 316.4

DOI 10.23683/2227-8656.2017.3.2

**ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР
В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ
(уроки 80–90-х гг. XX в.)**

**ETHNICITY IN NATIONAL
RELATIONS
(Lessons of 80's and 90's
of the 20th century)**

Скворцов Николай Генрихович

Доктор социологических наук, профессор,
декан факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного
университета,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Nikolay G. Skvortsov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor, Dean of the
Faculty of Sociology,
St. Petersburg State University,
Saint Petersburg,
e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

В статье на материале ситуации 80–90-х гг. XX в. рассматривается роль этнического фактора в распаде СССР. Возникшие национально-культурные движения, первоначально выступавшие под лозунгами этнического возрождения, защиты родной культуры и языка, постепенно превратились в мощную политическую силу, стали инструментом борьбы за власть в руках политических элит. Результатом этой борьбы стала дезинтеграция Советского Союза.

The role of ethnicity in the disintegration of the USSR is considered on the material of the situation of the 80's and 90's of the 20th century. Emerging nationalist-cultural movements, originally speaking under the slogans of ethnic revival, protecting their native culture and language, gradually turned into a powerful political force, became an instrument of power struggle in the hands of political elites. The results of this struggle were the disintegration of the Soviet Union.

Ключевые слова: этничность, национально-культурные движения, борьба политических элит.

Keywords: ethnicity, nationalist-cultural movements, struggle of political elites.

Введение

Немногим более четверти века прошло со времени события, имевшего огромное значение не только для нашей страны, но и для всего мира в целом – с политических карт исчезло огромное государство –

Советский Союз. До сих пор коллапс СССР по-разному – часто диаметрально противоположно – оценивается не только учеными, политиками, экспертами, но и простыми людьми, пережившими на себе все последствия краха «советской империи». Причин, приведших к распаду СССР, множество – как внутренних, так и внешних [1]. Нас в данном случае интересует целый комплекс обстоятельств, связанных с ролью этничности и влиянием этнического фактора на эти события в нашей истории.

Всплеск этнических чувств, ставший одной из важных причин дезинтеграции в национально-государственной сфере в нашей стране, – это процесс «возвращения к этничности», который в XX в. пережили многие народы и государства. Процесс резкого усиления значения этнического фактора в структуре идентификации совпал по времени с рядом кардинальных изменений в экономической, политической, социальной и культурной жизни. В этих условиях этничность оказалась вовлеченной в новую для себя сферу – сферу практической политики.

Этничность как мотивационная политическая сила и основа политического размежевания была предметом всестороннего анализа в западной политической социологии и антропологии в 70–80-е гг. прошлого столетия, что было обусловлено рецидивом этнической мобилизации не только в странах третьего мира, но и в ряде индустриально развитых государств [5]. В нашей стране приобретение этничностью политической окраски имело свои особые причины и специфические способы проявления.

«Политизировать этничность, – писал автор классической работы «Этнополитика» Дж. Ротшильд, – означает: 1) предоставить людям возможность осознать роль политики для сохранения их этнокультурных ценностей, и наоборот; 2) стимулировать их внимание к этой взаимосвязи; 3) мобилизовать их на формирование этнических групп, обладающих единым самосознанием; и 4) направить их поведение в сферу политической деятельности, опираясь на это осознание и групповое самосознание» [2, р. 6]. Фактически политизация этничности, о чем писал Дж. Ротшильд, означает превращение этничности в инструмент борьбы за власть. Этот процесс, как показывает исторический опыт, всегда происходит в контексте системного кризиса власти [3]. Бывший СССР, а затем и Россия не стали в этом смысле исключением.

Начиная с 20-х гг. XX в., в результате проводимой партией большевиков кадровой политики, в национальных регионах начала формироваться собственная политическая элита, обладающая относительной самостоятельностью от центральных органов управления. В ряде республик и регионов сформировался особый тип социальной стратифика-

ции, который поставил различные этнические группы в неравные условия и, создавая благоприятные условия для развития одних, резко ограничивал возможности других. Это относилось к самым разным сферам общественной жизни – от возможностей получения образования и трудоустройства по специальности до участия во властных структурах. Постепенно в части регионов бывшего Советского Союза правящая номенклатура оказалась фактически однонациональной и представленной только так называемыми коренными нациями. Другие национальные группы не допускались к участию к управлению и вытеснялись главным образом в сферу промышленного производства. Разумеется, такое положение являлось постоянным скрытым источником напряжения в различных сегментах общественных отношений.

Вместе с тем сами правящие политические элиты, несмотря на национальную общность, не являются однородными. Существуют корпоративные, клановые интересы отдельных групп, составляющих управленческую элиту, и если первые шаги перестройки еще не обнажили внутренних противоречий и конфронтаций, то дальнейший ход событий наглядно продемонстрировал их существование.

Первый раскол внутри правящих номенклатур произошёл к концу 1987 г., когда стали очевидными провалы перестроечных программ в промышленности, сельском хозяйстве, социальной сфере, общий спад народного хозяйства в союзных республиках. До этого момента, в условиях относительной согласованности собственных экономических, политических и идеологических действий с деятельностью центра, национальные элиты в целях удержания и закрепления власти пытаются апеллировать одновременно ко всем слоям социальной структуры «социалистической» моделью легитимности. Эту модель, представляющую некий вариант дубчековского «социализма с человеческим лицом», столь симпатичного архитектору перестройки, на первых порах удается поддерживать, хотя индекс ее легитимности очень различается в разных этносоциальных группах.

Однако когда «социалистическая» модель всё больше и больше теряет свою привлекательность, когда начинаются серьёзные разногласия между центральными и региональными властями и последние демонстрируют явное желание освободиться из-под опеки первых, внутри самих национальных элит зреет раскол. До определенного момента различные кланы в правящих структурах не хотят в явной форме проявлять свои действительные цели и намерения. Накапливая силы для «последнего и решительного боя», группы руководящей номенклатуры ищут возможности опереться на массовые общественные движения,

найти в них своих союзников. Но, поскольку созданию массовой базы поддержки препятствует сложившаяся социальная (этносоциальная) стратификация, а «социалистические» лозунги солидарности утратили свою привлекательность, реальный успех в формировании партий и движений могли иметь только апелляции к этнической идентичности. С другой стороны, в республиках и национальных регионах для этого создались благоприятные условия и предпосылки.

Речь идет о том, что во второй половине 80-х гг. в республиках и автономиях Советского Союза стали возникать национально-культурные (этнокультурные) общественные движения. Они формировались на фоне ухудшающейся ситуации в экономике, экологии, социальной и культурной сферах. При анализе таких движений исследователи выделяют целую группу причин и предпосылок их появления – как объективного, так и субъективного характера: экономические (стагнация, низкий уровень жизни, засилие центральных ведомств); исторические (борьба за независимость и достоинство народа, восстановление правды о «белых пятнах» в истории народа, депортациях, репрессиях); правовые (требования пересмотра имеющихся договоров, разграничение компетенций центра и регионов); экологические (строительство и функционирование грязных и опасных производств, проблемы земли и ее недр как «национальных территорий»); этнокультурные (проблемы национальных языков, интерес к национальным традициям, религии и т.д.); демографические (миграции, падение доли коренной нации в общей численности населения республики или региона); и др.

Каково бы ни было соотношение этих причин и факторов в каждом конкретном случае, на первых порах своего становления все эти движения были направлены на защиту национального самосознания народа от деградации. Основой их деятельности первоначально являлась общность культурных интересов. Цели и задачи, провозглашаемые ими, связаны прежде всего с возрождением национальных культур, сохранением языков, восстановлением исторической справедливости, поддержанием ослабленных элементов этнической идентичности.

Утрата или истощение факторов поддержания этнической идентичности – реальный процесс, затронувший фактически все народы бывшего СССР. В первую очередь это коснулось культурных компонентов этничности. Особенно наглядно это проявилось в Белоруссии, Молдове, прибалтийских республиках, в ряде автономий Российской Федерации, у малочисленных народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Так, к середине 80-х гг. в Белоруссии оказались деформированными или разрушенными фактически все элементы этнизации белорус-

ского народа. В городах фактически не оставалось белорусских школ, в сельской местности многие школы, формально считавшиеся национальными, были переведены на русский язык обучения (в 1988 г. в белорусских школах обучались только 14 % детей, для сравнения: в 1931 г. – 88 %). Белорусский язык оказался повсеместно вытесненным из общественной жизни, его употребление оказалось стигматизированным. В 1989 г. белорусским языком пользовались только 10 % белорусов, в том числе в городах только 1,5 % [см.: 4, с. 153–154]. (Аналогичные процессы наблюдались у многих малочисленных народов Севера, у карелов, вепсов и др.).

Восьмидесятые – начало 90-х гг. отмечены тревожными симптомами в демографической сфере. Тезис об исчезающей нации, послуживший мощным стимулом этнической консолидации и оказавший сильное влияние на массовое сознание и чувство этнического самосохранения, не был лишен оснований. В Эстонии, например, доля коренного (эстонского) населения составляла в 1939 г. 91,8 %, в 1959 г. – 74,6, а в 1989 г. – 61,5 %. В Российской Федерации также наблюдалась в целом неблагоприятная демографическая обстановка.

В этих условиях в республиках и ряде автономий начали формироваться национальные движения. Вполне естественно, что лозунгами консолидации были призывы сохранить собственную культуру, язык, национальную самобытность народов, «вернуться к собственной этничности».

Как правило, эти движения первоначально выступали как движения интеллектуалов – научной, технической, творческой интеллигенции, студенчества – и по своим целям, задачам, составу участников они являлись национально-культурными (этнокультурными). «Возврат к этничности» выглядел для них как некая цель, достижение которой сулило независимость, единство и согласие нации.

Однако очевидно, что национальные движения не могут развиваться изолированно от того, что происходит на политической арене, в первую очередь от разворачивающейся борьбы за власть между группировками национальных элит. Закономерно, что именно на деятельность этих движений была сделана ставка в политическом противостоянии: им на этом этапе отводится роль инициатора в деле «защиты нации» от притязаний центра, «давления Москвы», от социально-экономической и культурной угроз со стороны сопредельных государств или пришлых мигрантов.

У интеллигенции, столь длительное время отстраненной от участия в управлении, лишенной возможности реально воздействовать на

ход событий и, естественно, не удовлетворенной уровнем своих полномочий в решении вопросов развития республик и регионов, появляется возможность стать направляющей силой массовых движений. Интеллектуальная и культурная элита как лидер и инициатор национальных движений не только достигает желаемого статуса, но и снабжается различными группами в руководящем партийном и государственном секторах определенными ресурсами и информацией.

Выводы

Постепенно национальные движения начинают претерпевать серьезные изменения. Возглавляющая их интеллигенция, почувствовав себя влиятельной социально-политической силой, начинает претендовать на роль едва ли не единственного выразителя национальных интересов, носителя национальной идеи. С другой стороны, лидеры этих движений все в большей степени включаются в политическую борьбу, фактически примыкая к какой-либо из борющихся за власть группировок в эшелонах власти. Когда в 1989–1991 гг. борьба между кланами политической элиты в республиках становится явной и ожесточенной, в выигрыше, безусловно, оказываются те, кто вовремя сумел сориентироваться и сделать ставку на массовые национально-культурные движения. В результате возникает ситуация, взаимоприемлемая для обеих сторон – и для политиков, и для интеллектуалов, возглавляющих национально-культурные движения: первые, поддержав «возрожденческие» этнические лозунги, получают мощную опору в своей политической борьбе, вторые – реальную возможность в эту борьбу включиться и быть поддержанным в ней.

Таким образом, национально-культурные движения в этом процессе постепенно стали превращаться в политическую силу. Как показало дальнейшее развитие событий, и «Саюдис», и «Рух», и Народный фронт Эстонии, и Национальный фронт Азербайджана и др. от требований сохранения языка и культуры перешли к совсем иным сюжетам, а лидеры многих из этих движений заняли первые позиции на политических небосклонах в своих государствах (вспомним: первые президенты новых государств – В. Ландсбергис, З. Гамсахурдия, И. Эльчибей и др. начинали как лидеры национально-культурных движений). Само понятие «национальное» обретает новое значение: это уже не столько проблема полнокровного и свободного развития духовности, сколько вопрос государственности, власти, политического устройства и т.п.

Смычка национально-культурной идеи с борьбой политических элит за власть не только стала историческим уроком событий конца XX в., но и продолжает быть веянием времени. Этничность, националь-

ные чувства, несмотря на всю тонкость этого феномена, оказываются очень действенным оружием в этой борьбе.

Можно предположить, что и в дальнейшем этнический фактор не только не потеряет своей силы в социальной жизни народов, но, напротив, преобразуясь в средство политической борьбы, при определенных условиях усилит свое значение. Особенно это относится к тем многонациональным регионам, где межэтническая напряженность существует или в явной, или в латентной форме, на уровне определенных симптомов.

Литература

1. Чешко С.В. Распад СССР: этнополитический анализ. 2-е изд. М.: ИЭА РАН, 2000.
2. Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N.Y.: Columbia University Press, 1981.
3. Обстоятельный анализ ситуации дал в свое время Э.Н. Ожиганов (см.: Ожиганов Э.Н. Системный кризис власти и межнациональные отношения в СССР // Межнациональные отношения в Российской Федерации: информационные материалы. М., 1991. С. 49–59.
4. Национальные процессы в СССР. М., 1991.
5. Барков Ф.А., Тхагапсоев Х.Г., Черноус В.В. Этносы в глобализирующемся мире / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Изд. СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. 204 с.

References

1. Cheshko S.V. Rospad USSR: etnopoliticheskiy analiz. 2-e izd. M.: IEA RAN, 2000.
2. Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. N.Y.: Columbia University Press, 1981.
3. Obstoyatel'nyy analiz situatsii dal v svoe vremya E.N. Ozhiganov (sm.: Ozhiganov E.N. Sistemnyy krizis vlasti i mezhnatsional'nye otnosheniya v SSSR // Mezhnatsional'nye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii: informatsionnye materialy. M., 1991. P. 49–59.
4. Natsional'nye protsessy v USSR. M., 1991.
5. Barkov F.A., Tkhangapsoev Kh.G., Chernous V.V. Etnosy v globaliziruyushchemsya mire / otv. red. Yu.G. Volkov. Rostov n/D.: Izd. SKNTs VSh YuFU, 2009. 204 p.

Поступила в редакцию

20 апреля 2017 г.